

Роман Антропов

Похитители невест



Роман Лукич Антропов

Похитители невест

(Гений русского сыска И. Д. Путилин #4)

«В Энской столичной церкви заканчивались спешные приготовления к богатому венчанию. Одни служители расстилали нарядный, но уже значительно потертый ковер, другие устанавливали аналой, осматривали паникадило, люстры, смахивали пыль, что-то чистили тряпками...»

Содержание

Глава I. Богатая свадьба	0005
Глава II. Прерванное венчание. Невеста с усами. Ее похищение	0011
Глава III. «Отыщите невесту, господин Путилин!». Новое похищение	0019
Глава IV. Начало «кривой» Путилина	0027
Глава V. Необычайное ночное путешествие	0033
Глава VI. В гостях у колпинского священника 0039	
Глава VII. В церкви, в ожидании свадебного поезда	0045
Глава VIII. Три невесты и... два жениха	0049

Роман Лукич Антропов
Похитители невест

Глава I. Богатая свадьба

В Энской столичной церкви заканчивались успешные приготовления к богатому венчанию. Одни служители расстилали нарядный, но уже значительно потертый ковер, другие устанавливали аналой, осматривали паникадило, люстры, смахивали пыль, что-то чистили тряпками.

– Старайся, Егор, сегодня, кажись, нам хорошо перепадет! – вполголоса говорил один сторож другому.

– Нешто очень уж богатые?

– Чего богаче: миллионы венчаться будут.

– Как так миллионы? – глупо переспросил служитель.

– А так: невеста – первейшая богачиха, единственная дочка купца первой гильдии Сметанина, жених – тоже страшный богач будет, сын купца Русанова. Вот и выходит, что миллионы на миллионы пойдут!

– Ой ли!

– Дурак, правду говорю.

Это известие окрылило Егора. Мысль о щедрых чаевых утроила его старание, и он с

каким-то зверским удовольствием плевал на тряпку и обтирал ею перила и карнизы иконостасов.

На клиросе – справа и слева – уже толпились певчие в парадном одеянии.

Регент особенно суетился и волновался.

– Вы, Колюченко, кажется, опять уже того? Успели уж! Насвистались? Эх, что с вами и делать!.. Сегодня ведь трудный концерт предстоит...

В голосе регента слышалась укоризна.

– Не беспокойтесь, Иван Елпамидонтович, как известно вам, октаве необходимо подкрепление. Какая же мыслима октава без водки! Конфуз один выйдет... А я вот как гряну:

«Гря-а-ди, гряди, голубица-а-а!..»

И он грянул действительно так, что у регента выпал из рук камертон, а долговязый сторож вздрогнул и чуть не изрек ругательство.

– Эх ведь, как его пробирает!

Тенора, дисканты, альты пробовали «верхи» по тону.

В церкви были уже и батюшка, и отец диакон.

– Хорошая свадьба! – убежденно кричал отец диакон.

– Душеспасительная... – соглашался батюшка.

Кое-кто из публики, толпившейся около церкви, проник во внутренность ее.

Это поставило в тупик церковный причт.

– Как отнестись к сему? Пускать народ, жадный до таких зрелищ, в церковь или не пускать?

– Распоряжений особых не было... Стало быть – можно... – решил батюшка. – Как в храм Божий не пускать публику?

– Эх! – злобно и сокрушенно ворчали сторожа, взирая на «любопытных», наполняющих храм. – И что это они прутся?

– Ну, вы, почтенные, не лезьте, не толпитесь, не закрывайте проходу... Не для вас, чай, ковер разостлали! Становитесь в сторонку!

– Известно дело, не для нас... Где нам на бархатных коврах стоять... – шипели достойные «цикорки», обожающие лицезрение богатых венчаний. – А храм-то, чай, не для одних-то толстосумов...

– Ну, ну, ладна... Не прохлаждайтесь, а, по-

жалуйста, в сторонку! – окрысивались сторожа.

В церковь уже начали съезжаться приглашенные на церемонию венчания. То и дело подкатывали экипажи, все – собственные, из которых выходили представители и представительницы именитого петербургского купечества, разодетые в шелка, бархаты, сверкающие массой драгоценных камней.

– Гляди... гляди... Ишь, как сияет!.. – доносилось из толпы.

– Чего им не сиять при эдаких деньжищах...

– А что, жених-то еще не приехал, миленькие?

– Нет. Сейчас, должно, прибудет... А ты что: перехватить его у невесты хочешь, тетка?

В толпе, запрудившей собою место перед церковью, паперть и сени ее, прокатывается здоровый, веселый смех.

– Тьфу, тьфу! – плюется, негодует «тетка». – Во-первых, какая я тебе тетка, а потом от живого мужа нешто можно за другого выходить?

– А небось хотела бы за такого миллионщика пойти? – не унимается досужий бала-

гур-зубоскал. – Эх, жалко, что ты замужняя: беспременно влюбился бы в тебя жених.

Кругом смех усиливается... «Тетка» в пылу благородного негодования и оскорбленной гордости начинает уже ругаться.

– Господа! Потише, без безобразий! – решительно изрекает будочник, следящий за порядком перед церковью. – Потеснитесь! Не прите!

Экипажи, привезшие своих богатых владельцев, отъезжали в сторону.

Сквозь узкий проход между двух стен толпы-публики проходила нарядная вереница свадебных гостей.

Церковный староста, видя, что любопытных прибывает все более и более, крикнул сторожам:

– Протяните канаты! Живо, живо!

– Па-а-ди! Берегись! – доносились громкие, жирные окрики чудовищно толстых кучеров.

– Ах, милушки, уж не жених ли?

– И то как будто...

– Чего вы врите, какой это жених...

Шумит, волнуется, жужжит, судачит и злословит толпа.

– Едет! Едет! – прокатилось в ней волной. Действительно, из роскошной кареты вышел жених, окруженный щегольскими шаферами под руку с посаженным отцом.

– Ах, молодой, красивый!.. – заволновалась толпа.

– И такой миллионщик!..

В церкви уже зажжены люстры, паникадило, вся она сверкает морем огня. Блеск свечей переливается радужным светом в бриллиантах нарядных дам и девиц богатого купеческого царства.

Теперь началось ожидание невесты. Любопытство и нетерпение толпы достигло крайнего напряжения.

Глава II. Прерванное венчание. Невеста с усами. Ее похищение

Почти одновременно к церкви подъехали две кареты, запряженные дивными рысками.

Из первой кареты вышла невеста, окруженная «подругами», вторая карета отъехала в сторону.

Те, кто ожидал прибытия невесты, чтобы посмотреть, какова она, были жестоко разочарованы: из-за плотного шелкового тюля-газа фаты лица совсем не было видно. К тому же невеста не отнимала от лица кружевного платка.

– Что это она так закрылась?

– Стыдится, может...

– Да чего ей стыдиться-то? Говорят, красавица писаная. Сопутствуемая посаженной матерью, рыхлой купчихой в богатейшем наряде, невеста вошла в храм.

Навстречу ей спешил жених, кудрявый молодой человек во фраке с глупой бараньей

физиономией.

– Дорогая... – тихо шепнул он ей.

– Гря-а-ди, гряди, голубица! – грянул хор приветственный концерт.

На одну секунду невеста остановилась, вздрогнула, словно страшась идти дальше, но потом, очевидно, взяв себя в руки, она – под руку с женихом – направилась к аналою.

– Что это она платок держит у лица? Плачет, что ли?

– А как же не плакать: последний девичий денек, чай.

Сотни глаз, жадных, любопытных, устремлены на пару, которую сейчас будут венчать.

Священник, мягко, ласково улыбаясь, встречает жениха и невесту, устанавливает их у аналоя. Шафера занимают свои места за женихом и невестой. Заливаются тенора, гудит октава.

«Гря-а-ди, гряди, голубица...»

– Как она волнуется!

– Зато как ликующе весел и победоносен жених!

Венчание началось.

Но не успел еще священник произнести несколько слов, как вдруг церковь огласилась безумно-страшным криком жениха:

– Ай! Господи, что это?

Храм вздрогнул. Все, как один человек, направили свои взоры на венчающихся, и то, что они увидели, заставило и их испустить возгласы, полные не меньшего страха:

– Смотрите! Смотрите! Что это такое?

Невеста стояла, откинув с лица венчальную фату.

– Усы! Мужчина!

Батюшка отшатнулся. Жених окаменел.

На лице невесты красовались весьма изрядные усы!

– Что это... кто это? – бормотал жених, бледный как полотно, с выпученными глазами.

– Что такое? Что случилось?

– Мужчина... усы... невесту подменили...

Пользуясь общей паникой, вернее, общим оцепенением, невеста с усами быстро направилась к выходу.

В «сенях» храма к ней бросилась высокая мужская фигура, закутанная в широкий

плащ, и схватила невесту на руки.

– Скорее! Моя! Моя! – прозвучал громкий, ликующий голос. Все, как бараны, шарахнулись в сторону.

Держа невесту на руках, похититель выскочил на паперть, сбежал по ступенькам и крикнул:

– Семен, давай!

Карета лихо подкатила и, когда в ней скрылся похититель со своей добычей, быстро понеслась и скрылась за углом следующей улицы.

– Держи! Держи! – раздался чей-то испуганный крик.

То, что произошло затем в церкви и перед ней, не поддается описанию.

Когда миг столбняка, овладевшего всеми, прошел, начались сцены, сделавшие бы честь любой трескучей мелодраме.

– Что же это такое? – дрожащим голосом спросил донельзя пораженный священник, обращаясь к жениху, которого уже окружала толпа родственников и знакомых, как его, так и его невесты.

Тот бессмысленно хватался руками за го-

лову.

– Ничего... ничего не понимаю... не знаю.

И бросился вдруг к посаженной матери невесты.

– Как же это так? Кого вы привезли?!

За ним наступал и его посаженный отец:

– Стыд! Позор! Бесчестие! Кого вы привезли, матушка?

– Как кого? Глашеньку Сметанину... – лепетала обезумевшая от всего происшедшего посаженная мать.

– Это с усами-то?.. Это у Глашеньки в одну ночь усы выросли?! Да это бунт, заговор.

Купчиха, посаженная мать, сомлела и опрокинулась навзничь.

Ее подхватили. Это еще более усилило общую панику.

– К родителям невесты!

– Дать знать полиции!

– Вот так история! Невесту с усами выкрали!

Жених ломал в отчаянии руки и громко плакал. Его утешали шафера, родственники, знакомые.

– Да в чем дело? Как же так могло это про-

изойти? Таких чудес еще не бывало!

– А я почему знаю, я откуда знаю? – захлебывался злосчастный жених с бараньим лицом. – Осрамили, ославили!..

– Да откуда же у нее усы выросли?

– Наваждение... Дьявольское наваждение и искушение. Может, это и не невеста, а оборотень?

– Так зачем же этого оборотня стали похищать?

– Скандал! Скандал! На какую свадьбу нас пригласили?

– Н-да... можно сказать: красивенькая история!.. Батюшка уныло смотрел на диакона.

– Тридцать пять лет священствую, а такого чуда не видывал... – сокрушенно бормотал он.

– Что говорить: «душеспасительная» свадьба, отец Александр, как вы соизволили ее назвать... – насмешливо отвечал диакон.

На клиросе шло не меньшее волнение.

– Вот так «голубица»! – ужасной октавой гремел бас. – У этой голубицы усы чуть-чуть поменьше моих. А еще регент говорил: и зачем это вы, Колюченко, насосались винищем? А ежели я предчувствовал, может, сие

церковное поношение? А? Иван Елпамидонтович, как же вы полагаете: прав был я или нет, взявши подкрепление загодя?

Регент только руками разводил.

– Ну-ну... Пропала мзда за концертное пение... Живо обсуждали происшедшее и перед церковью.

– Невесту украли! Вот так фунт изюму с кисточкой!

– Слышь, паря: у невесты под венцом усы выросли!

– Ври больше...

– А ей-Богу! Усы – во какие!

– А как это он ее ловко, братцы, слямзил!

Молодчина!

– Это по-нашенски: орел!

– Матушки! Святители! – шамкала какая-то ветхая старушка с костылем. – Неужто правда? А где ж у ней, у поганой, усы-то выросли?

– На губе, бабушка, на губе!.. – с хохотом отвечали ей голоса зубоскалов.

Паника росла, увеличивалась.

К вечеру весь Петербург кричал о необыкновенном приключении с венчанием двух отпрысков известнейших миллионеров-купцов.

Стоустая молва, конечно, разукрасила все это, и многие невесты-девицы со страхом бросались к зеркалу:

– Господи помилуй, уж не выросли ли и у меня усы?

Глава III. «Отыщите невесту, господин Путилин!». Новое похищение

Я сидел у Путилина в его служебном кабинете, беседуя с ним о необычайном происшествии, имевшем место в Энской церкви. Было около 9 часов вечера.

– Хочешь держать пари, доктор, что они явятся ко мне? – улыбаясь, задал мне вопрос мой талантливый друг.

– Кто «они», И. Д.?

– Ну, потерпевшие, конечно... Честное слово, если бы я был на их месте, я сделал бы это!

– Ты говоришь о трагическом венчании?

Путилин улыбнулся еще шире.

– Трагическом... Ах, мой скверный доктор, как ты любишь сгущать краски. По-моему, тут гораздо более налицо комического, чем трагического.

– Но ведь это – необычайно, как хочешь...

– Совершенно верно. И наперед тебе скажу; дело это очень трудное, но... но не мрачное.

– Что ты за удивительный человек, И. Д.! – искренно-восторженно вырвалось у меня. – Неужели ты уже сейчас что-нибудь проводишь?

В дверь кабинета раздался стук.

– Ваше превосходительство, вас желают видеть...

– Господа Русановы? – спокойно спросил великий сыщик.

– Да-с... – удивленно ответил дежурный агент.

– Пусть идут.

В кабинет вошли два посетителя, один – уже старик, красивый, важный, упитанный, другой – молодой человек в пиджаке, с грустным, бараньим лицом.

– Господа Русановы? – обратился к вошедшим Путилин.

– Да-с, ваше превосходительство... – ответил старик.

– Прошу покорно. По делу неудачного венчания? Миллионер Русанов-отец удивленно вскинул глазами.

– А вы... вы уже знаете?..

– Я, голубчик, начальник сыскной поли-

ции, поэтому я все должен знать.

И, повернувшись к молодому человеку, неудачливому жениху, шутливо проговорил:

– Эх, молодой человек, молодой человек!

Нехорошо: из рук невесту выпустили! Проворонили!..

Молодой Русанов густо покраснел, с досадой мотая кудрявой бараньей головой.

– Как же-с... помилуйте...

– Усов испугались? Подумаешь, какая невидаль!

– Как, ваше превосходительство?! – в голос воскликнули они оба. – Как? Вы находите неудивительным, что у девушки вдруг под венцом выросли большие усы?!

– Совершенно верно: ровно ничего удивительного не вижу в этом... – бесстрастно, с улыбкой ответил мой гениальный друг.

Оба Русанова в сильнейшем изумлении уставились на Путилина. Каюсь. Я сам с не меньшим удивлением поглядел на него. «Что он говорит?» – пронеслось у меня в голове.

– Усы у девушки?!

– Усы у девушки.

– Вы как это: всерьез или в шутку, ваше

превосходительство? Вголосе старика-миллионера послышалась досада.

– Я не имею обыкновения шутить, любезный господин Русанов. Ну-с, в чем дело? Невеста вашего сына, дочь купца первой гильдии Аглая Сметанина действительно исчезла? Вы, конечно, из церкви бросились в дом ее родителей, и что узнали от отца и матери?

– Да-с, поехали туда... С самой дурно сделалось... Отец – волосы рвет на голове. А узнали мы, что дочь их, Аглая, невеста моего сына, отбыла, честь честью, с подружками и с посаженной матерью в карете в церковь. А вот, что дальше произошло, – это так непостижимо...

– Усов у вашей невесты не было? – повернулся Путилин к жениху.

– Что вы-с... Помилуйте... да ежели бы у нее были усы – разве я предложил бы ей руку и сердце? Слава Богу, мы и безусых девиц, при нашем капитале, найдем сколько угодно...

Фигура и физиономия молодого Русанова были настолько потешны, что я не выдержал и расхохотался.

– Кому-с – смех, кому – слезы... – недоволь-

но пробурчал старик-миллионер.

– Простите, я вовсе не смеюсь над вами... но, согласитесь, такое необыкновенное приключение... – смешался я.

– Итак, невеста вашего сына бесследно исчезла? И вы желаете...

– Чтобы вы, ваше превосходительство, помогли нашему горю, распутали эту необыкновенную историю.

– Вы никаких особых подозрений не имеете? Старик-миллионер взглянул на сына.

– Ты как, Васенька: ничего не примечал? А? Васенька отрицательно покачал головой.

– Ничего-с особенного-с...

– Она была влюблена в вас, ваша невеста?

– Как-с сказать-с... Девушки конфузятся высказывать свои чувства...

В дверь кабинета раздался стук.

– Входите! – крикнул Путилин.

В кабинет бомбой влетела толстая купчиха, расфранченная, но в съехавшей набок шляпе.

За ней еле поспевал помощник Путилина.

– Ваше превосходительство! Ваше превосходительство!.. – завопила она.

– Ради Бога? Что такое, что случилось? – попятился мой талантливый друг.

– Украли! Украли! Выкрали!..

– Что украли? Да вы успокойтесь, сударыня, придите в себя, объясните толком...

– Как я приду в себя, когда я из себя вон вышла? – еще больше завопила купчиха, бросаясь в кресло.

– В чем дело, Виноградов?

– Почти одинаковый случай... сейчас у гжи Сосипатровой исчезла дочь-невеста. Выкрадена из кареты во время следования к венцу в церковь Спаса.

– Что? – привскочил даже старик Русанов. – Слава те, Господи!

Радость, ликование послышались в голосе миллионера. Он даже перекрестился широким, размашистым крестом.

Это неожиданное восклицание привело в ярость прибывшую купчиху.

Она бросилась, как разъяренная тигрица, к Русанову:

– Как? – взвизгнула она. – Что это вы сказали, батюшка? Слава Богу? Это – слава Богу, что у меня дочь из-под венца похитили?! Да

как вы, старый пес...

– Именно, слава Богу: потому, значит, не я один в конфузе, что у моего сына невесту украли... – с чувством удовлетворенного купеческого самолюбия произнес Русанов.

Путилину пришлось вмешаться, дабы предотвратить сцену грубой перебранки взволнованных родителей.

– Что произошло?

– А то, господин начальник, что когда ехала карета с моей дочерью-невестой, вдруг поравнялась с ней другая. Не успели опомниться посаженная мать и шаферицы, как дверца той проклятой кареты распахнулась, в нашу карету впрыгнул злодей, и, схватив на руки мою дочь, исчез...

– С кем должна была венчаться ваша дочь?

– С откупщиком К-вым... – вспыхнула купчиха.

– Хорошо, господа, я сделаю все, что могу, чтобы раскрыть похитителей ваших невест.

Когда мы остались одни, Путилин шутиливо спросил меня:

– Скажи, доктор, медицина не знает таких случаев, когда у барышень вдруг моменталь-

но вырастают усы?

– До сих пор, мой друг, таких чудес не бывало.

– Однако, видишь: они, эти чудеса, существуют... Путилин погрузился в продолжительное раздумье.

– Помилуй Бог, забавный случай!.. – оживленно вырвалось у него.

– Ты считаешь это дело серьезным?

– В каком смысле смотря. Если насчет крови-убийства – этого в данных случаях не имеется, но сами по себе похищения совершены ловко, и, может быть, не так-то легко будет их раскрыть.

Глава IV. Начало «кривой» Путилина

В доме Сметанина, отца невесты с усами, нас встретили не особенно приветливо.

«Сама» заболела, слегла в постель, а «сам», темнее тучи, рвал и метал, рыча аки лев...

– Вот дочку вашу хочу попытаться разыскать, любезный господин Сметанин... – проговорил Путилин.

– Чувствительно благодарен, а только можно бы и без этого обойтись... – угрюмо ответил старый купец.

– Как?! Вы не хотите отыскать свою дочь?

– Совершенно верно: особого желания не имею.

– Почему же?

– А потому, ваше превосходительство, куда же она годится после такого сраму? На всю столицу ославилась и фамилию мою обесчестила.

– Ну, какое тут бесчестие... – утешил «миллионщика» Путилин. – Меня вот Русанов-старик просил отыскать невесту его сына – вашу

дочь.

– Да ну? Неужто? Значит, не вполне прогневался? В голосе Сметанина послышалась радость.

– Да ведь я бы и вам рекомендовал подождать гневаться на исчезнувшую дочь. А что, если в этой необыкновенной оказии скрывается преступление?

Купец побледнел.

– А именно?

– А то, что вашу дочь могла похитить какая-нибудь банда негодяев. Знаете ли вы, что произошло почти одновременно с исчезновением вашей дочери?

И он поведал ошеломленному миллионеру о похищении дочери-невесты купчихи Сосипатровой.

– И у нее! Что же... что же это такое, ваше превосходительство?..

– А вот это-то и надо расследовать.

– Явите такую милость! Вовеки благодарен буду.

– Где комната вашей дочери? Укажите мне. Надо ее осмотреть.

Сметанин провел нас анфиладой комнат,

убранных с поражающей купеческой роскошью.

– Вот ее комнаты, ваше превосходительство.

Они, как и все «жилые» помещения тогдашнего купечества, были меблированы очень просто.

На диване, на стульях, на креслах – всюду в беспорядке валялись различные принадлежности женского туалета.

– С момента одевания к венцу вашей дочери эта комната не прибиралась? – спросил Путилин.

– Нет. До того ли было? Это страшное известие как громом поразило нас всех...

– Вы не помните, в каком платье была ваша дочь до венчального наряда?

Сметанин руками развел.

– Ей-Богу, не упомяну. Все из головы вышибло!..

– Скажите: кто прислуживает вашей дочери?

– Девушка, Паша.

– Она, то есть ваша дочь, хорошо к ней относится? Любит ее?

– О да! Дочь моя – не гордячка, добрая, приветливая, так уж воспитана.

– Пригласите эту девушку сюда.

Через несколько минут перед нами стояла хорошенькая девушка с бойким, плутоватым лицом, несколько смущенным.

– Вы слышали, милая, какое несчастье приключилось с вашей барышней? Ее похитили из-под венца.

– Да-с, слышала... – не подымая глаз, пролепетала она.

– Вам жалко барышни?

На миг в лукавых глазенках горничной промелькнул какой-то еле уловимый огонек.

– Очень-с...

– А она ведь нашлась! – вдруг быстро выпалил Путилин.

– Да неужто? – отпрянула девушка.

Странное дело: в этом возгласе послышалось больше испуга, чем радости.

Путилин усмехнулся.

– Ну-с, милая, а теперь покажите, в каком платье была ваша барышня до одевания в подвенечный наряд. В этом?

И он взял с кресла тонкое батистовое пла-

тѣе.

– Ах нет, не в этом! Позвольте мне это... я уберу... тут такой беспорядок... – в сильном смущении залепетала горничная.

– Теперь можете идти! – властно приказал Путилин. Еще растерянный взгляд – и она ушла.

В платье Путилин отыскивал карман.

– Помилуй Бог, чего только не приходится делать! – шутливо бросил он нам.

Через несколько секунд в его руках находилась розовая бумажка. Он подошел к окну и углубился в чтение.

– Вы что-то нашли, кажется, ваше пр-во?.. – спросил Сметанин.

– Так пустяки... А вот вы лучше скажите мне: ваша дочь шла под венец с Русановым не по любви?

– Как сказать... она плакала, просила пообождать со свадьбою, но перед моей волей смирилась. У нас, в купечестве, еще, слава Богу, дети отцов слушаются...

– И... пропадают, как пропала ваша дочь? – насмешливо бросил Путилин.

Миллионера-купца передернуло.

– Так что, любезный господин Сметанин, дочь вашу я поищу и, быть может, найду, но что она не будет женой Русанова – в этом могу поручиться вам.

– Это-с почему?

– Потому. Пока прощайте. Лишь только что узнаю, скажу вам.

Путилин сухо попрощался с хозяином дома, и мы уехали. Сидя в коляске, Путилин раздраженно заметил:

– Экие мастодонты каменного века! Сами калечат жизнь, счастье своих детей, и сами же первые поют Лазаря.

– Ты что-нибудь узнал, И. Д.?

– Только то, что я и предполагал. Но где находится эта красавица Глашенька, я не знаю, доктор.

– А как же с делом Сосипатровой?

– Видишь ли: если моя кривая не обманет меня в этом деле, то она вполне приложима и к похищению сей купеческой дочери. Решив первое уравнение, мы быстро и легко решим и второе.

Глава V. Необычайное ночное путешествие

Около двенадцати часов ночи я услышал знакомый звонок.

«Неужто Иван Дмитриевич? – радостно подумал я. – Верно, случилось что-нибудь новое, экстренное».

Не успел я выскочить из спальни, смежной с моим приемным кабинетом, как в него вошел, громко звеня шпорами и пристукивая саблей, гусарский полковник.

Я попятился даже.

– Что вам угодно? – в чрезвычайном удивлении спросил я.

– Попросить вас, господин доктор, немедленно одеваться, чтобы следовать вместе со мной.

– С нами крестная сила! – Голос Путилина, моего талантливое друга!

– Иван Дмитриевич, да неужто это ты?! Путилин – это был он – громко расхохотался.

– Что, удивлен? Таким меня еще никогда не видел?

– Черт знает, что такое... Ты, кажется, твердо решил сводить меня с ума своими сюрпризами...

– Однако, живо, живо! Нам нельзя терять времени, доктор! Мы должны ехать.

– Куда?

– Далеко. В Колпино.

– Что? В Колпино? Сейчас? Ночью? Зачем? Да сейчас уже и поезда нет.

Моему изумлению не было границ.

– Когда ты только избавишься от своей постоянной привычки засыпать меня вопросами? А относительно того, как мы доберемся туда, не беспокойся: нас ожидает лихая тройка.

Через несколько минут мы находились уже в коляске.

– Ну, Николай, валяй лихо! – возбужденно крикнул кучеру мой друг.

По интонации голоса его я понял, что Путилин находится в том отличном состоянии духа, какое у него всегда бывает, когда он напал на верный след.

Признаюсь, сильное любопытство разби- рало меня.

«Что за история? Зачем мы ночью катим в Колпино?»

Но, наученный горьким опытом, я знал, что все расспросы бесполезны до тех пор, пока мой гениальный друг не сочтет нужным сам объясниться.

Я только кряхтел, ожесточенно куря сигару.

– Любопытно? – спросил вдруг Путилин, лукаво поглядывая на меня.

– Ничуть... – с притворным равнодушием ответил я.

– Ой, врешь, доктор! – тихо рассмеялся он. – Вижу потому, как ты дымишь сигарой... Признайся, что моя форма тебя смущает.

– Отчасти... если хочешь...

– С чего, дескать, Иван Дмитриевич обратился в гусарского полковника? Правда?

– Правда.

– Ну, так знай, что я тебе еще не такой сюрприз приготовил.

– Ого!

– Знаешь ли ты, куда и зачем мы едем?

– Понятия не имею, за исключением того, что мы едем в Колпино.

– Мы... – Путилин сделал паузу. – Мы едем с тобой в церковь венчаться.

Как ни был я искушен всевозможными трюками гениального сыщика, я не поверил своим ушам.

– Что такое? Венчаться? Мы с тобой?!

– Венчаться. Мы с тобой. Вот в этом чемодане и твой подвенечный наряд.

Я не мог выговорить ни слова от изумления.

– Ты шутишь?

– Нимало... – ответил Путилин, раскрывая чемодан и вынимая из него белое платье, белые туфли, фату, флердоранж. – Помилуй Бог, если в фешенебельной петербургской церкви могли венчаться купеческая дочь с гусарскими усами, то почему в скромной колпинской церкви не может случиться такая же оказия? Прошу покорно, доктор, скинуть с себя все, что полагается, и облечься в наряд невинной голубицы.

– Иван Дмитриевич, не рехнулся ли ты?! – воскликнул я. Путилин передернул плечами.

– Честное слово, доктор, ты заставляешь меня сожалеть, что вместо тебя я не взял с со-

бою мою агентшу, твою знакомую по делам «Квазимодо» и «Калиостро». Но я хотел доставить тебе удовольствие... Ну, ну, мой старый друг, облачайся. Ты не рискуешь простудиться, так как ночь на редкость тепла. Я помогу тебе...

И... не прошло и пяти минут, как рядом с Путилиным сидела невеста, не скажу, чтобы очень изящная, так как она была – ваш покорный слуга, доктор медицины.

– Скорей! Поторапливай, Николай! – покрикивал на кучера Путилин.

Мы ехали по шоссе, тянувшемуся параллельно полотну железной дороги, очень быстро. Верстовые столбы мелькали. Душная июньская ночь, когда еще заря с зарей сходится, кончалась. Вот-вот – и должно было появиться солнце во всем своем сверкающем великолепии.

– Что же я должен делать?.. – обратился я к моему «жениху».

– Молчать. Больше ничего. Остальное предоставь мне, – невозмутимо ответил Путилин.

Вот из-за леса уже брызнули первые лучи

восходящего солнца. Мы подъехали к Колпино.

Глава VI. В гостях у КОЛПИНСКОГО СВЯЩЕННИКА

Колпино в то время было совсем маленьким, глухим посадом, с церковью, с небольшими деревянными домишками, пользовавшимся далеко не лестной репутацией.

Несколько раз там были обнаружены тайные притоны фальшивомонетчиков, воров-рецидивистов и даже убийц. Когда мы въехали в него, он спал еще, этот посад. Ни души, ни звука. Даже собаки не лаяли.

– К дому священника, около церкви! – отдал Путилин приказание кучеру.

«Святители! Да никак И. Д. на самом деле думает о венчании?» – с изумлением подумал я.

Мы проехали несколькими узкими улицами – если только эти закоулки между домишками можно так назвать – и остановились около одноэтажного деревянного домика, потонувшего в зелени сада.

– Ну-с, вот мы и приехали... – пробормотал

мой талантливый друг. – Теперь прошу тебя опустить вуаль, особенно тщательно закутать ею лицо и не произносить ни слова.

Он вылез из коляски.

– А я?

– Пока погоди.

Подойдя к высокому крылечку и поднявшись по ступеням его, Путилин постучал в дверь.

Из сада донесся неистовый лай собаки.

– Кто там? – раздался из-за двери недовольный женский голос.

– К батюшке приехали... – ответил Путилин.

– Да кто вы будете?

– Отворите, тогда увидите.

– Как бы не так! А если вы разбойники?

– А вы сами кто будете? – со смехом в голосе спросил Путилин.

– Я-с матушка, попадья.

– Так вы вот что, матушка, пойдите к вашему супругу... Он спит?

– Почивает...

– Будите его скорей, скажите, что из Петербурга гусар приехал с барышней... Он знает,

по какому делу...

Но будить матушке батюшку не пришлось. Очевидно, он или кого-нибудь поджидал, или же сон его был очень чуток. Дверь распахнулась.

– Иди, иди! Не твоего ума тут дело... – бросил старый-престарый священник своей попадье.

Та, однако, терзаемая, по-видимому, злейшим любопытством, выглянула и всплеснула руками.

– Военный! Невеста! Батюшки святы! И быстро скрылась.

На лице священника, вышедшего в одном подряснике, изобразилось некоторое удивление при виде Путилина.

– Ну, вот, батюшка, доставил вам невесту. Позвольте представиться: однополчанин моего друга, полковник Путилин.

– Весьма приятно-с... Польщен честью. Изволили сказать: Путилин? Не родственник нашему замечательному начальнику сыскной полиции Ивану Дмитриевичу Путилину, проникновенно раскрывающему самые тщательные дела? Путилин усмехнулся.

– Нет-с, батюшка, не состою в родстве.

Я, несмотря на все мое необычайное положение в роли и костюме невесты, еле удержался от смеха.

– Простите уж великодушно, что стою перед вами в столь неприглядном виде... – про-
бормотал престарелый иерей. – А скажите, пожалуйста, какую же из двух невест изволили вы привезти?

– Как которую из двух? – в сильнейшем изумлении вырвалось у Путилина.

На этот раз в голосе моего друга я ясно различил нотки не притворного, а искреннего удивления.

«Что все это означает?» – пронеслось у меня в голове.

– Так-с, ведь сейчас двух будем окручивать... – улыбнулся престарелый иерей.

Путилин провел рукой по лбу (этот жест он всегда употреблял, когда его что-либо сильно озадачивало) и вдруг громко рассмеялся.

– Невесту первого, обратившегося к вам, батюшка!

Хохот Путилина был настолько зарази-

тельно веселым, что батюшка и сам тихо рас- смеялся.

– Девицу Сметанину, значит? Ах, бедоку- ры, вы, бедокуры! Эдакие вы фортели выки- дываете! Нагорит мне здорово за ваши гусар- ские проделки...

Путилин расхохотался еще пуще.

– Однако, батюшка, я думаю, что коляску следовало бы ввести во двор... Неравно, кто увидит... хоть и рано еще, всего четвертый час в начале, а вдруг кто проснется.

– Верно, верно... – смущенно залепетал иерей. – А невестушка?

– Я ее сейчас высажу, и мы подождем вас здесь, у крылечка.

– А в горницы? Милости просим, в горни- цы...

– Нет, не беспокойтесь... Мой друг ведь го- ворил вам, когда мы приедем? Когда назначе- но венчание?

– Да часов в пять утра, а может, и раньше. Они, ведь как вам известно, вместе приедут...

– Да, да... Но он просил меня прямо приве- сти невесту в церковь. Уж вы будьте добры, батюшка, одевайтесь скорее... Времени те-

рять нельзя...

– Да, да... сейчас... сию минуту... Ах, Господи...

Путилин подошел ко мне, помог мне высидеться из коляски и накинул на меня шинель.

– Въезжай в ворота! – отдал он приказ кучеру. – Сейчас их откроют.

– Иван Дмитриевич, голубчик, хоть одно слово... В чем дело?

– Я знал одно, но не ожидал другого. Помилуй Бог, вот неожиданность, погонишься за одним зайцем – поймаешь двух.

Вскоре ворота раскрылись. Коляска въехала туда. На пороге домика появился священник с таким же дряхлым стариком в подряснике.

– А это пономарь – псаломщик мой. Пожалуйте!..

Глава VII. В церкви, в ожидании свадебного поезда

— Ну, Кузя, отворяй с Богом! «Кузя», которому было лет за семьдесят, отпер большой замок на железной двери, раскрыл ее, и мы вошли во внутренность церкви.

Миром, покоем, святой тишиной повеяло на нас.

Церковь была маленькая, бедная. Тут не сверкали золотом и драгоценными камнями скромные ризы икон, тут не было нарядных ковров, серебряных паникадил... Но зато тут была масса воздуха, света.

Лучи солнца врывались через окна и заливали храм золотыми потоками.

— Ну, Кузя, приготавливай... — обратился к псаломщику батюшка.

Путилин посмотрел на часы.

— Да, теперь надо скоро ожидать.

— Мне-то недолго облачиться... Скажите, барышня, вы конечно, по доброй воле идете

под венец? – вдруг обратился старенький священник ко мне.

Я, твердо памятуя приказание моего друга, молчал.

– Вы не удивляйтесь, батюшка, что невеста молчит... – Сами понимаете: волнение... тревога... утомление... А только Сметанина идет, безусловно, по доброй воле. Да, впрочем, кто же таким романтическим образом, уводом, венчается не по любви?..

– Это вы точно сказали, господин полковник... – мягко, тихо рассмеялся старый батюшка. – А вы, извините, как полагаете, почему я решился на такое венчание?

– Чрезвычайно добро и любезно с вашей стороны... хотя и рискованно... – пробормотал Путилин.

– Вы, может, полагаете, что я на деньги польстился? Нет, полковник, из-за денег я не пошел бы на это дело. А вот случай был со мной один в моей долгой священнической службе.

Лицо симпатичного иерея омрачилось.

– Какой же случай, батюшка?

– А такой, извольте видеть. Вот как бы теперь, к примеру сказать, обратился ко мне

один молодой человек. «Повенчайте, – говорит, – ради Бога, нас батюшка, без бумаг невесты. Свадьба, – говорит, – уводом. Мы любим друг друга, а родители невесту мою за другого прочат». Я наотрез отказался. Ни за что, говорю, нипочем! Он аж в слезы. «Что ж, – говорит, – нам делать? Так взять ее жить – только ославишь, сраму предашь; ждуть – за другого волоком потащат в церковь. С деньгами да с бумагами в порядке кто же не окрутит?» Так я и отказался. Ушел мой бедный молодой человек, а через неделю я в газете прочитал, что он застрелился. Поверите ли, оторопь, жуть, тоска взяла меня. Мой, думаю, ведь это грех. Повенчай я их, ничего бы этого не случилось. Долго мучился я и тогда же решил, что ежели ко мне когда кто иной еще обратится с такой же просьбой, уважить сию просьбу, обвенчать. И вот-с, спустя столько-то лет случай и выходит с вашими знакомыми. Я-с даже обрадовался: грех старый сниму с души. А денег мне не надо: нам со старухой моей, попадьею, жить немного осталось, хватит...

Путилин, человек чрезвычайно добрый, чувствительный, был растроган рассказом

старого священника и с чувством пожал ему руку.

– Вот какие светлые личности попадаются среди духовенства, – бросил он мне. – Позвольте, я слышу топот лошадей. Кажется, едут.

– И то, и то!.. – засуетился симпатичный батюшка. – Что ж, встречу бедокуров!

И с этими словами он засеменял старческими ногами к выходу из храма.

Глава VIII. Три невесты и... два жениха

Путилин, схватив меня за руку, потянул назад, шепнув: – Тут вот выступ притвора... Спрячемся здесь. Любопытно послушать их объяснение. Играть уж комедию – так до конца!

Не прошло нескольких секунд, как послышались шаги, звон шпор, раздались голоса:

– Ну, батюшка, вот и мы!

И вслед за этим веселым, звучным мужским голосом раздался трясущийся, вздрагивающий голос батюшки:

– Позвольте, а кто же эта вот девица в подвенечном уборе?

– Как кто? Моя невеста, батюшка! – удивленно воскликнул другой мужской голос.

– Как-с, ваша невеста? – заикнулся старый священник.

– Очень просто: моя невеста. Да что с вами, батюшка?

– Позвольте, сколько же невест-то всего? Три, значит? Голос священника дрожал. В

нем слышались не только изумление, но и испуг.

– Как три? Откуда вы взяли третью? Вот моя невеста, вот невеста моего приятеля. Вы простите меня, батюшка, я вас не понимаю.

В голосе офицера звенело несказанное удивление.

– Нет-с, вы уж дозволейте мне вас не понять! – взволнованно проговорил престарелый иерей. – Я еще по милости Божией из ума не выжил и до трех считать не разучился, и трех невест на двух женихах повенчать никак не могу-с...

– Il est devenu fou! Он сошел с ума! – с отчаянием в голосе воскликнул по-французски один из прибывших.

– Эта невеста – раз, та невеста – два, а эта девица – уже три. Как ни считайте, выходит три.

– Да какая та невеста?.. О ком вы говорите? – звякнули шпоры.

– Та-с, которая приехала сейчас с вашим приятелем. Ваша невеста.

– Что?! Что такое?! Моя невеста приехала с моим приятелем?! Да вы... вы, извините, с

ума сошли, батюшка! Вот моя невеста, она стоит перед нами.

– Коля, ради Бога, что это значит? – слышался испуганный женский голос.

– Да, с вашим приятелем, Путилиным... Девушка Сметанина... – продолжал батюшка.

– С Путилиным?! – слышались испуганные возгласы.

– Да-с.

. – С каким Путилиным?

– С полковником гусарским...

– Нет, батюшка, вы ошибаетесь: не с гусарским полковником, а с начальником с. – петербургской сыскной полиции! – громко проговорил Путилин, выходя из-за прикрытия.

Его внезапное появление было подобно неожиданному удару грома. Громкий крик испуга и изумления вырвался из четырех уст: двух офицеров гусарского полка и двух барышень в подвенечных нарядах.

– Ах! – прокатился и замер под высокими церковными сводами этот крик.

Барышни пошатнулись и, наверное бы, упали, если бы их не подхватили офицеры. Бедняжка священник остолбенел и замер.

Первым опомнился высокий, стройный офицер. Он сделал шаг по направлению к Путилину и гневно крикнул:

– Что это за мистификация, что это за маскарад? Кто вы, милостивый государь, и по какому праву одеты в этот мундир?

– Кто я – вы уже слышали: начальник сыскной полиции Путилин, а по какому праву я в мундире, я не обязан вам давать ответа. Я имею право наряжаться так, как мне угодно для пользы дела. А вот мне было бы интересно знать, по какому праву вы изволили облачиться в какой-то плащ, ворваться в церковь и похитить невесту... с усами? – отчеканил гениальный сыщик. Офицер растерялся, опешил.

– Так как вы предпочитаете невест с усами, господин Неведомский, то я и захватил для вас такую.

С этими словами Путилин вывел меня за руку и сорвал вуаль с моего лица, которое в эту трагическую минуту было, по всей вероятности, в высокой степени глупо.

– Рекомендую: девица Сметанина, ваша невеста с усами и даже с бородой!

Раздался новый крик испуга и изумления. Батюшка, взглянув на меня, затрясся.

– Свят, свят, свят! – дрожащим голосом вырвалось у него. Нет слов описать выражение лиц нашей странной группы, того столбняка, который овладел всеми, за исключением меня и Путилина.

– Ну-с, господа, что же мы будем теперь делать? Как мне прикажете поступить со всеми вами? По закону я могу вас не арестовывать, – обратился Путилин к офицерам, – так как это – дело вашего военного начальства... Но ваших невест я обязан арестовать вследствие заявления их родителей.

Обе невесты плакали.

– И вы это сделаете? – вырвалось у обоих офицеров-женихов.

– Я обязан.

– Честное слово, мы этого не допустим!

– Вы окажете сопротивление? Но не забывайте, господа, что это уже явится тяжким преступлением, за которое вас по головке не погладят.

Взбешенные офицеры были белее полотна. И вдруг, к моему глубокому удивлению, Пути-

лин громко и весело расхохотался.

– Вы еще смеетесь?! – рванулся один из женихов, Неведом с кий.

– Ну да! И знаете, почему? Потому что я нашел счастливый выход для всех вас.

– Какой?

– У вас шаферов нет?

– Вы продолжаете издеваться, господин Путилин?

– Я вас спрашиваю: у вас шаферов нет?

– Нет.

– Ну, так вот позвольте нам с доктором заменить их вам. Живо к аналою, господа, живо! Батюшка, пожалуйста!

– Как-с? Венчать?! – пролепетал не могущий все еще прийти в себя священник.

– Господин Путилин! Да неужто? Вы не шутите?! Правда? Оба офицера радостно бросились к Путилину и схватили его руки.

– Да что же с вами поделаешь теперь? Не везде ведь найдется такой добрый, милый батюшка... Бог с вами, валяйте, но только помните, что о моем шаферстве – ни гугу, а то мне нагорит.

Оба офицера душили моего благородного

друга в своих медвежьих объятиях.

– Спасибо вам! Ах, дорогой господин Путилин! Голубчик!..

– Ну, ну, довольно, хорошо! Пустите... А знаете ли вы, что из-за вас Путилин первый раз в своей жизни оскандалился.

– Как так?

– Очень просто. Родителям ваших невест я обещал разыскать сих барышень и вернуть их им.

– Да вы ведь и разыскали! – радостно-возбужденно ответил офицер.

– Разыскать-то разыскал, да вернуть-то уж их я не смогу. Теперь – это уж ваше дело будет.

И вот через несколько минут у аналоя началось необычайное венчание первой пары: шафером был Путилин, выследивший и накрывший «преступников-похитителей»!

Так же повенчали и вторую пару.

После венчания Путилина окружили и пристали к нему с расспросами.

– Иван Дмитриевич, дорогой, как это вы унюхали?

– По обстановке решил сразу, что похище-

ние – романического свойства, по дерзкой смелости и отваге предполагалось, что сделано это людьми военными. У вас, молодая моя красавица, в кармане вашей юбочки записку нашел. Ах, какая вы неосторожная барынька! Разве можно такие записки не уничтожать? Ай-ай-ай!

Путилин вынул розовый листок бумаги и прочел: «Голубка моя! Посылаю тебе наши гусарские усы. Другого выхода нет, следят за тобой так, что выкрасть тебя можно только из церкви. Поступи, как я тебя учил. Пробудешь немного у меня, потом поедем в Кол. Священник согласился. Целую тебя, твой Владимир Н.»

– Ах! – закрыла лицо руками «молодая».

– Ну-с, имея в руках сие, остальное узнать было не так трудно... – весело смеялся Путилин. – А вот вас тут захватить еще я не ожидал... – обратился он к другой повенчанной паре. – Я пока выследить успел только ваших – рузей, а на вас еще точил зубы.